

Как я провел суд над Ходорковским

В течение восьми месяцев журналист Игорь Малахов каждый рабочий день проводил в зале номер 56 Мещанского суда. По вечерам он писал для нанявших его западных газет и телекомпаний отчеты о том, что происходит в деле Ходорковского-Лебедева-Крайнова. А еще он записывал кое-что для себя и под конец судебного разбирательства предоставил БГ свой репортерский дневник.

В суд я попал из-за убийства. Вместе с американскими коллегами я стоял у проходной посольства США после пресс-конференции родственников застреленного редактора Forbes Павла Хлебникова. Его брат, красивый мужчина, похожий на проповедника в костюме, сказал, что верит, российские правоохранительные органы найдут и накажут убийц. Мы же, толкаясь в проходной посольства, обсуждали другое испытание для российского правосудия — начинавшийся суд над тогда еще самым богатым человеком России Михаилом Ходорковским. Все понимали, что это затянется на долгие месяцы, и все считали необходимым присутствовать в суде. Но ни один западный корреспондент не был готов посещать процесс даже еженедельно. Так возникла идея делегировать на процесс одного журналиста. Я предложил себя.

Мне был необходим размеренный и предсказуемый рабочий график — я должен был готовиться к экзаменам. Обычная работа подразумевала неожиданные командировки, ненормированный рабочий день и часто рабочие выходные. Но важнее всего была возможность присутствовать на историческом судебном процессе, самом громком за последние полвека. Я даже смирился с существенной потерей в заработке.

КУРС СКОРОЧТЕНИЯ

Июль-август, 2004

Стадия исследования доказательств: чтение документов, собранных обвинением; подготовка к экзамену

28 ИЮЛЯ

Поиски правосудия; различия по обувному признаку

Первый день начался с досадной, но символической ошибки. Вместо Мещанского суда я приехал к Басманному. Оба заведения работают на улице Каланчевской. Это совпадение смутило не только меня, но и прохожих, к которым я обращался за помощью, — все указывали в направлении легендарного Басманного. Все одно: правосудие.

Если бы я был театральным критиком, то непременно отметил бы интересную сценографию судебного зала номер 56. Блистательная команда адвокатов — холеные, выбритые, шикарно одетые, с дорогими часами на руках и суперлегкими ноутбуками в руках. Ходорковский с Лебедевым, надо отметить, для тюремных условий одеты тоже роскошно (правда, с осени Лебедев перешел на спортивный костюм, а джинсы, рубашку и свитер надевал лишь по «особым» дням — например, когда давал показания). Мы даже посплетничали со знакомой, пришедшей со мной на суд, про аккуратность рубашки Ходорковского с логотипом дорогой марки Cerruti 1881 на груди. «Как же ему удастся ее стирать? — восхищалась она. — Если это Черрути, то наверняка пригодна только для химчистки. Он стирает ее по выходным — чтобы высохло к понедельнику. Но где сушит? Ведь ее нельзя сушить на вешалке или веревке. Только горизонтально...»

Не знаю, как и где сохнет рубашка Ходорковского, но у меня от духоты и жары скоро высохнут мозги. За окном — жара, а в небольшом зале, в котором одновременно находится около 40 человек, установлен один маленький кондиционер. Председательствующая судья Ирина Колесникова почему-то не желает его включать. Один из важнейших атрибутов власти сегодня — пульт для кондиционера — лежит прямо перед ней.

Судьи величественны, словно матрешки с арбатских витрин. Каждая представляет собой образец дамского конторского шика, только частично замаскированный судебной мантией. У судей осветленные волосы и сдержанная косметика на лице. Председательствующую Колесникову выделяют овальные очки в золотой оправе. Украшения у судей скромные: золотые сережки и цепочки. Судьи, как и подсудимые, прокуроры, истцы

и большинство адвокатов, — люди относительно молодые.

Сторона обвинения выглядит нарядно: белая рубашка и синий прокурорский костюм. Но без лоска и пафоса. Вместо компьютера — перьевая ручка и кипа желтой писчей бумаги. Остроносые туфли на небольшом каблуке — такие носят прокурор, представители налоговых органов и адвокаты Крайнова. Я мысленно ввел различие по обувному признаку: те, кто разделяет обувные идеалы тружеников пастбищ (остроносые), и те, кто придерживается классического консервативного стиля.

30 ИЮЛЯ

Клинические вопросы

С удивительной настойчивостью суд приобщает к делу справки о состоянии здоровья Ходорковского. А вот про здоровье Лебедева, арестованного прямо в больничной палате, ничего не сообщается. Когда судья спросила у Ходорковского, имеются ли какие-либо возражения по поводу справки о его здоровье, он громко объявил об отсутствии возражений. А затем, ухмыльнувшись, во всеуслышание добавил: «По-моему, они издеваются». Адвокат Генрих Падва продолжил его мысль, спросив суд, почему же не прибывают справки с информацией о здоровье Лебедева. Судья объяснила, что, по-видимому, в разных СИЗО разные правила.

Рядом со мной сидел брат Лебедева. В перерыве он крикнул в сторону клетки, что «сало привезут». Я удивился: разве больные гепатитом могут есть столь жирный продукт? Он объяснил, что сало — это тюремная валюта. Еще я узнал, что больной Лебедев сидит в общей камере с еще как минимум 15 горемыками (осенью «жилищные условия» Лебедева улучшили). Ему не позволяют передавать ни овощи, ни даже кефир. У Ходорковского режим более жесткий, но сокамерников в несколько раз меньше, и ему позволяют получать свежие овощи и фрукты. Его осматривают врачи, и он не жалуется на здоровье.

5 АВГУСТА

Медосмотр через глазок

Появилась наконец-то и справка о здоровье Лебедева. После «визуального осмотра» медиками установлено, что «видимых признаков ухудшения здоровья нет. Активно общается с сокамерниками...» Угрюмый и на вид больной и изможденный Лебедев лишь заметил, что «справки изготовлены до моего выхода из камеры» — намекая на то, что визуальный осмотр проводился через дверной глазок.

2 АВГУСТА

Журналистская сила и большие капиталы

Сегодня прокурор Шохин своим чтением «доказательств» довел до зевоты даже судей — полдня читал какие-то контракты, платежные поручения и другие непонятные документы. А у меня закончилась книжка Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия». Открыл учебник по экономике и математике для поступления в бизнес-школу, начал читать. Ходорковский, сидящий фактически в полуметре от меня, заглянул в мой учебник. Я развернул задачник к нему. Он улыбнулся и одобрительно покачал головой.

Никогда не мог предположить, что в России, где никто не верит в беспристрастность журналистов, прокуратура предъявит в качестве доказательства вины газетные статьи. Причем из западной прессы. Прокурор Шохин бойко, словно зайка из рекламы батареек, вот уже 15 минут читал статью из Le Temps, в которой говорилось об использовании «Менатепом» офшорных счетов и подставных компаний. Чуть позже была зачитана статья из «Ведомостей». Я оторвался от своего домашнего задания. Ходорковский — от очередного детектива Акунина. Лебедев — от кроссвордов. Вообще публика и подозреваемые оживились — это было намного лучше бубнилова платежных поручений и квитанций с зачитанием длиннющих банковских реквизитов и цифр. Сегодня утром один из охранников так крепко заснул, что даже начал храпеть. Ходорковскому пришлось просунуть руку через решетку и толкнуть его в бок.

Но всех окончательно разбудил адвокат Падва. Он заявил, что в соответствии с законодательством газетные статьи не допускаются в качестве доказательств. Ходорковский добавил, что статья в Le Temps полна неточностей. Судьи даже не шелохнулись. Чтение продолжилось.

Помимо чтения вслух старых газет, прокурор Шохин предложил вниманию суда интересный текст. Похоже, это была докладная записка, составленная для Ходорковского. В ней объяснялось, почему временный ввоз частного самолета выгоднее его покупки и содержания. Понять, какое из семи обвинений, предъявленных

Ходорковскому, поддерживает этот документ, не представлялось возможным. А просто доказывать, что богатейшие россияне умели хорошо считать деньги, — странно.

19 АВГУСТА

Тест на правовое пространство; укол в зале суда

Хуже всего на этом процессе приходится американским дипломатам. Они посещают процесс почти ежедневно (после ноября они стали появляться гораздо реже). Их присутствие призвано показать, что США следят за развитием процесса. Но в сложной терминологии документов, зачитываемых прокурором, не могут разобраться и носители языка. Все вокруг либо дремлют, либо читают, но дипломатам это не к лицу. Поэтому они просто сидят с сосредоточенными лицами и широко раскрытыми глазами. Но сегодня публике устроили праздник.

Адвокат Падва заявил ходатайство о прекращении судебного производства по эпизоду о «мошенническом завладении» акциями «Апатита» за истечением срока давности. Падва апеллировал к Конституции, ссылаясь на постановления Верховного суда и других высоких инстанций. Речь была гениальной. Казалось, Шохин сражен наповал. Перед тем, как судьи удалились на совещание, Ходорковский отметил: «Для меня важно понимать, в каком правовом пространстве я нахожусь». Судьи отвергли требования защиты, сославшись на преждевременность таких ходатайств. Ходорковский поник. Таким грустным я его еще не видел.

Во второй половине дня продолжавшиеся баталии не дали мне сделать домашнее задание по математике. На этот раз адвокат Евгений Бару просил судей проявить гуманность и провести медицинское обследование Лебедева врачами-специалистами не из числа тюремных медиков. Прокурор упирал на то, что сам Лебедев не жалуется на здоровье. Лебедеву пришлось разуверять прокурора. «Я болен, и это подтверждается всеми врачами», — начал он. При этом, чтобы удержаться на ногах, Лебедев держался одной рукой за металлический прут клетки. Неожиданно его прервал Бару: «Моему подзащитному плохо. Стоит вызвать скорую». Колесникова ответила, что нарушение судебного порядка недопустимо. «Но это же чрезвычайная ситуация», — пробормотал изумленный Бару.

Колесникова в конце концов опомнилась. Приехали врачи скорой. Измерили давление, сделали укол. Приехали врачи из «Матросской тишины». Сели в зале. Заседание продолжилось. Теперь Колесникова стала необычайно внимательной к здоровью Лебедева. «Можете продолжать? Как вы себя чувствуете?» Продолжили — после совещания за закрытыми дверями судьи отклонили ходатайство о медицинском освидетельствовании Лебедева.

Я же не только не сделал домашнее задание, но и пропустил занятие с преподавателем по математике. Заседание закончилось слишком поздно, после 20.00. Хотя обычно суд закрывается в 18.00.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

Август-ноябрь, 2004

допрос свидетелей, представляемых обвинением; изучение лексики для экзамена

20 АВГУСТА

«Ходорковский — денежный мешок»

Началась стадия опроса свидетелей обвинения. Такого начала не ожидал никто. Седовласый пенсионер в синей рубашке с короткими рукавами, Анатолий Васильевич Поздняков, возглавлял «Апатит» до его приватизации. Для начала рассказал, что без продукции «Апатита» сельское хозяйство загнулось бы — это основной российский производитель концентрата, на основе которого делают минеральные удобрения. Затем он рассказал про 1994 год, год приватизации завода, или, как утверждает обвинение, хищения акций «Апатита»: «Жизнь была тяжелая... денег хотелось все больше...» Он вспомнил, что инвестиционная программа фирмы «Волна», которая, как утверждает обвинение, связана с Ходорковским и Лебедевым, была привлекательной: «Была мечта у горняков — пивоваренный заводик. Так вот, у них в программе и было записано — микропивоварня...» В моем блокноте мы начали переписываться с моей соседкой, известным судебным корреспондентом: «Денег хотелось все больше... И пива!» Поздняков рассказывал: «Я понял, что инвестор не хочет давать мне денег. Я думаю, что когда он разобрался, что же купил, у него был шок». Ходорковский улыбнулся. Поздняков вспомнил, как он поехал просить денег у человека, который теперь сидел в клетке. «Я его воспринимал как начальника денежного мешка». Заметив, что все вокруг умирают со смеху,

дедушка извинился: «Михаил Борисович, вы не обижаетесь на меня?» — «Нет, просто хорошее выражение», — ответил Ходорковский. Из дальнейших показаний Позднякова следовало, что Ходорковский фактически спас «Апатит». Даже если и не построил пивзавод. «Люди ходят довольные, зарплату получают», — отметил Поздняков. В моем блокноте появилась еще одна запись от коллеги: «Классный дедушка. Честный. Шохин проиграл».

7 СЕНТЯБРЯ

Открытый суд. Как «Замок» Кафки

В зал не пустили Стаса Намина и правозащитницу Людмилу Алексееву. Пускают только журналистов, дипломатов и родственников подсудимых. Правда, Намина в конце концов как-то провели. А вот Алексеева так и осталась стоять за дверью. Если бы она показала удостоверение члена Комиссии по правам человека при Президенте РФ (с ноября 2004-го — упразднена), то ее бы пропустили. Но показывала лишь паспорт — закаленная правозащитница хотела понять, действительно ли процесс открыт для всех. Я решил тоже уточнить интерпретацию термина «открытое заседание».

Я беспрепятственно вошел в кабинет председателя Мещанского суда — по размеру приблизительно такому же, как наш зал заседаний, — и представился. Он явно был раздражен вопросом. «Суд открытый. Открытый, — словно заклинание повторил он. — Доступом ведают судебные приставы. К ним все вопросы». — «Но их нет. Там есть только люди в штатском», — возражал я. Председатель продолжил аутотренинг: «Приставы должны обязательно быть, а люди в штатском тут ни при чем».

(Постепенно, на стадии представления доказательств защитой, в зал действительно стали пускать. И заклинания председателя суда подействовали — судебный пристав появился на следующий день: явно робея перед людьми в штатском, он пропускал публику в зал. А еще через день исчез.)

Через некоторое время в родительскую квартиру, где я прописан, тоже пришли люди в штатском. Они показали удостоверения ФСБ и оставили записку. На желтом листке бумаги красивым каллиграфическим почерком излагалась «просьба позвонить товарищу такому-то в понедельник, в 12.00». Меня не было в стране в этот день — я был на конференции. Человек в штатском приехал еще раз. На этот раз побеседовал с папой. Убеждал его, что у него замечательный сын и что он не должен волноваться. Когда я в конце концов позвонил товарищу, он объяснил, что руководство его организации желало моих консультаций, но более в моих услугах не нуждается. Либо они разучились вербовать, либо просто хотели дать знать, что система интересуется мной. А я-то хотел тихой размеренной жизни.

13 СЕНТЯБРЯ

Улыбка Моны Лизы

У меня накопилась критическая масса вопросов и необходимых уточнений по обвинительному заключению. Непонятно, кто еще состоит в «преступной группировке»? И каким образом Ходорковский и Лебедев руководили ими, если большинство директоров «номинальных» фирм не то что не получали указаний от них, но даже не имели никаких отношений с подсудимыми? Защита постоянно ссылается на упоминания Лебедева М. Б. в материалах дела — кто это такой и какое отношение он имеет к Ходорковскому М.Б. или Лебедеву П. Л.? И кто такая Лебедева П. Л.? Завидев прокурора Шохина, быстро семенившего по серому коридору суда, я преграждаю ему путь и прошу ответить на несколько вопросов. Шохин же с улыбкой Моны Лизы огибает меня и устремляется прочь. «Все ответы в обвинительном заключении», — скажет после моей второй попытки заговорить с ним.

20 СЕНТЯБРЯ

Подсказки для свидетелей; проверка трупа

В процессе есть участник под названием «гражданский истец». Это представители Федеральной налоговой службы. Во время допроса Оксаны Ипатовой, одного из руководителей налоговой службы в Читинской области, Александра Нагорная, представляющая на процессе интересы этого самого гражданского истца, начала открыто подсказывать правильные ответы своей — видимо, менее опытной — коллеге. Пока Генрих Падва зачитывал свой вопрос, Александра Нагорная, словно школьная подруга, что-то шептала Ипатовой.

Далее последовал допрос об удивительном эпизоде с налоговой проверкой компании «Инвестпроект», которая на момент проверки уже не существовала, поскольку за шесть месяцев до этого налоговые органы ее

ликвидировали.

ЗАЩИЩАЙТЕСЬ, ЕСЛИ МОЖЕТЕ

Ноябрь, 2004 — март, 2005

Представление защитой доказательств, свидетелей и специалистов; стадия дополнений. Экзамен приближается

24 МАРТА

Поединок

Иначе как фарсом этот процесс в либеральной прессе никто и не называет. Но по мне, это больше похоже на боксерский поединок. Пусть и с предсказуемым финалом, но со своими правилами и жестким противостоянием. Защита начинает представление доказательств, судьи значительно меняют порядок рассмотрения ходатайств. На сессии ПАСЕ (Парламентской ассамблеи Совета Европы) рассматривают доклад по делу Ходорковского-Лебедева, у судей неожиданно и впервые и лишь на этот день находятся «другие уголовные дела» — и заседание откладывается. ПАСЕ приняла резолюцию, призывающую освободить Ходорковского и Лебедева из-под стражи, — через два дня прокурор Шохин требует продления еще не истекшего срока содержания Ходорковского под стражей. Делать домашние задания в зале суда я больше не могу: слишком увлекательно происходящее в зале. Да и шумно. Однажды свидетель простоял за трибуной полдня, так и не получив возможность говорить. Мешал вербальный пинг-понг между участниками процесса: вопрос защиты — немедленный протест прокурора — короткое совещание между судьями — отвод вопроса — следующая «подача» защиты — протест прокурора. И так полдня.

На стадии представления доказательств невиновности адвокаты и оба подсудимых обращали внимание судей на сотни документов, которые, по мнению защиты, недопустимы в качестве доказательств. Больше всего меня заинтриговали утверждение о наличии десятков пустых листов бумаги, подшитых к делу в качестве доказательств, и история исчезновения кредитной карточки Лебедева. Лебедев с удивительным упорством выяснял судьбу карточки American Express, которая, по утверждению следователей, должна служить весомым доказательством вины по одному из эпизодов дела. Почему-то к делу подшита лишь ксерокопия карты. Несмотря на требования Лебедева и его защиты вернуть карточку в дело, оригинала в судебном заседании пока не предъявили. Возможно, кто-то считает, что в тюрьме кредитка Лебедеву все равно не нужна.

Защита представила всего человек десять свидетелей. Прямо на заседании один из адвокатов Лебедева, Владимир Краснов, заявил об отказе от права вызова свидетелей из-за опасения репрессий против них. Никто из присутствовавших не сомневался в правомочности опасений. Прокурор Шохин пытался отвести вопрос защиты к Любове Мясниковой таким образом: «Вопрос выходит за пределы этого дела. Может быть, то, что знает свидетельница, будет интересно по уголовному делу, начатому в отношении ее начальника». (Несколько недель спустя, в конце марта, Генпрокуратура прислала в суд письмо, в котором сообщалось, что следователи уже изучают возможность возбуждения уголовного дела против этой свидетельницы.) Грозно глядя на очередного эксперта, Шохин утверждал, что, по материалам Генпрокуратуры, «свидетель получал значительные суммы, исчисляемые миллионами, от подсудимого». У другого специалиста Шохин поинтересовался, страдал ли тот травмами головы: «Свидетель, страдали ли вы когда-либо амнезией? Хотя бы временно?»

Мы приближаемся к финалу. А я провалил экзамен по математике. Пересдавать в конце апреля. Ожидается, что к тому времени судьи по крайней мере удалятся для составления приговора. На протяжении всего процесса мы устраивали тотализатор относительно приговора. Иногда, в день, особенно удачный для защиты, мы полагали, что Ходорковскому дадут два года и освободят в зале суда. Но этот вариант чаще озвучивался с иезуитским продолжением: затем возьмут под стражу в коридоре по другому, недавно вроде бы открытому делу об отмывании нелегальных доходов. Иногда мы соглашались, что ему дадут по полной программе — лет десять. Но это в дни особых неудач для защиты. Пока же средневзвешенный результат, по нашим прогнозам, — 6—7 лет и никаких амнистий до 2008 года. Лебедеву, как считает большинство, дадут больше. У меня же, пока судьи будут работать над приговором, должно появиться ровно столько времени, сколько нужно для подготовки к пересдаче и заполнению документов в бизнес-школу.

Автор: Игорь Малахов © Большой город РАССЛЕДОВАНИЯ, МИР 3738 02.04.2005, 08:44 224

URL: <https://babr24.com/?ADE=20804> Bytes: 20194 / 20194 Версия для печати

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
[\[email protected\]](#)

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: [\[email protected\]](#)

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: [\[email protected\]](#)

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: [\[email protected\]](#)

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: [\[email protected\]](#)

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: [\[email protected\]](#)

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: [\[email protected\]](#)

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: [\[email protected\]](#)

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: [\[email protected\]](#)

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: [\[email protected\]](#)

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)